

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2026.16923

EDN: DHPZSH

Героический модус в традиционной литературе (Запад и Восток)

И. Н. Исакова

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(г. Москва, Российская Федерация)*

e-mail: mandala-1@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию понятия героического модуса в мировой литературе. Классическое понимание героизма, сложившееся в европейской науке на материале античной и средневековой литературы, не всегда может быть применимо к анализу восточных литератур, особенно неиндоевропейских. В статье предпринимается попытка сравнительного анализа героического модуса на материале западноевропейских («Песнь о Роланде», «Песнь о Нибелунгах», «Беовульф»), древнерусских (летописи, жития, «Слово о полку Игореве»), индийских («Махабхарата»), персидских («Шахнаме»), китайских («Троецарствие») и японских («Повесть о доме Тайра») памятников. Основное внимание уделено пониманию подвига, его целям, способам достижения и роли поражения в судьбе героя. Выявляются существенные различия: от западноевропейского акцента на самопожертвовании ради посмертной славы до индийской ориентации на прочную победу и восстановление мировой гармонии, китайской гетерогонии цели и переноса подвига в интеллектуальную сферу, японского осмысления победы через призму бренности и закона воздаяния. Отдельно рассматривается коллективный характер героизма и «подвиг в терпении» в древнерусской литературе, а также психологическая готовность к смерти и способность адаптироваться к поражениям как важнейшие черты героя в восточных традициях. Понимание героического модуса требует учета культурных особенностей каждой цивилизации, отказа от упрощенных представлений о героизме как единой этической категории в мировой литературе.

Ключевые слова: героический модус, подвиг, цель, западноевропейский эпос, древнерусская литература, индийская литература, китайская литература, персидская литература, японская литература

Для цитирования: Исакова И. Н. Героический модус в традиционной литературе (Запад и Восток) // Проблемы исторической поэтики. 2026. Т. 24. № 2. С. 7–27. DOI: 10.15393/j9.art.2026.16923. EDN: DHPZSH

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2026.16923

EDN: DHPZSH

Heroic Mode in Traditionary Literature (West and Orient)

Irina N. Isakova

*Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russian Federation)*

e-mail: mandala-1@yandex.ru

Abstract. This article examines the concept of the heroic mode in world literature. The classical understanding of heroism, developed in European scholarship on the basis of ancient and medieval literature, cannot always be applied to the analysis of Eastern literatures, especially non-Indo-European ones. The article undertakes a comparative analysis of the heroic mode based on the following literary works: Western European (“The Song of Roland”, “The Song of the Nibelungs”, “Beowulf”), Old Russian (chronicles, hagiographies, “The Tale of Igor’s Campaign”), Indian (“Mahabharata”), Persian (“Shahnameh”), Chinese (“Romance of the Three Kingdoms”), and Japanese (“The Tale of the Heike”). The focus is on the understanding of the heroic deed, its purposes, means of achievement, and the role of defeat in the hero’s fate. Significant differences are identified, ranging from the Western European emphasis on self-sacrifice for the sake of posthumous glory to the Indian orientation toward decisive victory and the restoration of world harmony; from the Chinese diversity of goals and the transfer of heroic action into the intellectual sphere, to the Japanese interpretation of victory through the lens of transience and the law of retribution. Special attention is paid to the collective nature of heroism and the “feat of endurance” in Old Russian literature, as well as to psychological readiness for death and the ability to adapt to defeats as crucial traits of the hero in Eastern traditions. Understanding the heroic mode requires taking into account the cultural specificities of each civilization and rejecting simplified notions of heroism as a single ethical category in world literature.

Keywords: heroic mode, heroic deed, aim, Western European epic, Old Russian literature, Indian literature, Chinese literature, Persian literature, Japanese literature

For citation: Isakova I. N. Heroic Mode in Traditionary Literature (West and Orient). In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2026, vol. 24, no. 1, pp. 7–27. DOI: 10.15393/j9.art.2026.16923. EDN: DHPZSH (In Russ.)

Понятие «героический модус» нередко становилось предметом исследования в научной литературе. Выявлены основные характерные черты данного модуса, связанные с особым типом мышления. Произведение строится вокруг исключительных поступков того или иного персонажа, его сверхчеловеческих качеств и преодоления границ обыденности, где познание мира и человеческой природы осуществляется с помощью необычайных свершений, борьбы с масштабными препятствиями и мощными противниками. Героические качества персонажей проявляются в действиях, направленных к высшей цели, которая освещает всю их жизнь, наполняет ее смыслом. В литературе «поэтизируются поступки людей, свидетельствующие об их бесстрашии и способности к величественным свершениям, об их готовности преодолеть инстинкт самосохранения, пойти на риск, лишения, опасности, достойно встретить смерть. Героическое мироощущение связано с волевой собранностью, с бескомпромиссностью и духом непреклонности. Героическое деяние в традиционном его понимании (независимо от победы или гибели его вершителя) — это верный путь человека к посмертной славе. Героическая индивидуальность (герой в изначальном строгом смысле слова) вызывает восхищение и поклонение» [Хализев: 87]. По мнению В. И. Тюпы, «психологическое содержание героического катарсиса — гордое самозабвение, или самозабвенная гордость» [Тюпа: 57].

Большое внимание уделялось понятию «подвиг», его роли в создании героического модуса. «В мире героической этики привычный распорядок перевернут: уже не цель освящает средства, но только средство — подвиг — может освятить любую цель. Действование героя в своих высших моментах становится бескорыстным или, что в данном случае то же самое, бесцельным: недаром греки возвели в ранг религиозно-священнодействия атлетические игры и усмотрели в них прямое подражание богам. Соответственно и крушение героя должно вызывать не простодушные аффекты страха или жалости, но сублимацию этих аффектов, их выведение из равенства себе и пресуществление во что-то иное, — их "катарсис"» [Аверинцев: 69].

При этом для литературного произведения характерно «утверждение величия подвига отдельной личности и целого коллектива, огромного значения его для развития народа, нации, человечества» [Поспелов: 75], а также «художественное воспроизведение мужественного и самоотверженного поведения индивидуума или масс во имя высоких целей» [Кормилов: 175].

В системе персонажей выделяется особый тип героя, способного на подвиги, которые недоступны простым смертным (часто даже в мыслях). Эта особенность героя метафорически осмыслялась в литературе как его божественное или полубожественное происхождение. Цель жизни такого героя — совершить подвиг, который прославит его в веках; таким образом человек обретает бессмертие. Однако концепция героического модуса строилась в целом на материале западноевропейской литературы, появление которого связывают с эпохой формирования государства, то есть с древностью. Даже в русском литературоведении обсуждение героического модуса редко предполагает обращение к древнерусской литературе или к фольклору¹. И тем более речь обычно не идет о произведениях восточной литературы, что не могло не повлиять на представления о героизме в мировой литературе: черты, характерные для западноевропейской литературы, нередко провозглашались универсальными или же единственно возможными.

При обращении к восточной традиции заметен ряд существенных отличий, которые позволяют уточнить понятие «героический модус». Античный героизм формируется на стыке фатализма и свободы воли: герой осознает предопределенность судьбы, но действует так, как считает нужным, проявляя мужество и волю даже перед лицом неизбежной гибели. А. Ф. Лосев подчеркивает, что античный герой не пытается избежать судьбы, а, напротив, утверждает себя в столкновении с ней. Античный героизм проявляется не только в подвигах, но и в готовности принять смерть, сохраняя достоинство. Герой действует естественным для себя образом, даже если знает о своей

¹ При этом существует большое число исследований героизма в русском фольклоре, летописях, житиях, воинских повестях и, конечно же, в «Слове о полку Игореве» (см., напр.: [Орлов], [Пропп], [Лихачев], [Путилов], [Русская агиография, 2005], [Русская агиография, 2011], [Воротынские чтения]).

гибели, что иллюстрирует пример Ахилла: он «знает, ему предсказано, что он должен погибнуть у стен Трои» [Лосев: 158], но «не обращает никакого внимания на предостережения. Он — герой. Он пришел сюда для определенной цели и будет к ней стремиться. Погибать ему или нет — дело судьбы, а его смысл — быть героем» [Лосев: 159].

Герой в античности — это человек, обладающий выдающимися качествами (часто божественного происхождения, что объясняло его исключительность), могучего телосложения, который совершает подвиги ради славы, защиты полиса или исполнения воли богов. Жизнь героя — это череда подвигов, испытаний, сражений с чудовищами или врагами. Он часто обречен на страдания и гибель; его судьба predetermined роком. А главная награда героя — слава среди потомков, а не личное бессмертие.

В европейской литературе ключевым событием, как правило, является совершение такого подвига, который выходит за рамки возможностей самого героя (даже с учетом его полубожественного происхождения). В этом отношении показательна судьба Беовульфа, который всю жизнь шел к своему главному подвигу — убийству дракона, хотя физических возможностей для его совершения у Беовульфа не было. Разумеется, истинного героя это не остановит, но и насладиться победой герой тоже не сможет: он видит мертвого дракона, однако и сам вскоре умирает. Клад, который Беовульф добывает, как ему кажется, для людей, в итоге был положен в могилу вместе с ним. Таким образом, люди также не могут воспользоваться плодами его победы над драконом.

В восточной традиции явственно прослеживается иной мотив: истинный герой становится победителем. В этом отношении показательна судьба братьев пандавов из «Махабхараты»²: они выходят победителями из битвы на Курукшетре. Смысл их подвига заключается в том, чтобы уничтожить порочных кауравов во главе с Дурьодханой и в дальнейшем править благодеящими народами. Цель индийских героев принципиально иная — достижение гармоничного состояния мира,

² Махабхарата. Кн. 1–18 / пер. В. И. Кальянова, Я. В. Василькова, С. Л. Невелевой, В. Г. Эрмана. М., 1950–2017. (Сер.: Литературные памятники.)

при котором люди будут счастливы. Пандавы также наслаждаются плодами своей победы. Увидеть результат собственных действий принципиально важно для героя: именно это ретроспективно демонстрирует не только истинную цель, но и указывает, что путь, избранный им, был абсолютно верным (а может быть, и единственно верным).

В «Махабхарате» большое внимание уделено размышлениям о путях достижения цели. Подчеркивается принципиальная важность с самого начала, с самых первых шагов действовать, с одной стороны, в полном соответствии с дхармой, а с другой — четко видеть реальную картину во всех ее аспектах. Герой, не способный на это, не сможет одержать победу, какой бы физической силой он ни обладал.

Например, действия Дурьодханы не могли увенчаться успехом, о чем ему неоднократно говорили родственники. Действия Карны в ближней перспективе могли быть успешными, но в дальней — никогда, потому что он действует под влиянием эмоций. В строгом смысле слова ни Дурьодхана, ни Карна не могут считаться героями: Дурьодхана — это злодей, а Карна — «недогерой», если можно так выразиться. Действия обоих обречены на провал, потому что нарушение дхармы неизбежно влечет за собой ее восстановление. А если люди настолько погрязли в грехах и стремлении к победе любой ценой, что всеобщая гибель неизбежна, то тогда вмешиваются боги (приняв облик того или иного героя) и постепенно исправляют ситуацию.

В китайской культуре сложно говорить о победе героя в привычном для нас смысле; скорее это достигнутая цель, решенная задача — но при этом не так или не совсем так, как предполагалось изначально. Например, в романе Ло Гуань-чжуна «Троецарствие»³ Лю Бэй, Гуань Юй и Чжан Фэй решают во что бы то ни стало восстановить династию Хань и объединить Китай. Вторая цель была достигнута (хотя спустя много лет после смерти этих героев), поскольку оказалась намного сложнее, чем они думали, и достигнута не совсем так,

³ Ло Гуань-чжун. Троецарствие: [роман: в 2 т.] / пер. с кит. В. А. Панасюка под ред. В. С. Колоколова; подгот. текста, предисл. и коммент. Б. Л. Рифтина. М.: Гослитиздат, 1954. Т. 1. 791 с.; Т. 2. 792 с.

как предполагалось. Более того, в романе подчеркивается, что изначальные предположения не подтверждаются, а первоначальные цели никогда не будут достигнуты, потому что в процессе их достижения многое меняется: происходят события, саму возможность которых никто не мог предвидеть; вмешаются герои, о существовании которых либо почти никто не знает, либо не может даже помыслить, как и зачем они могут вмешаться в ситуацию.

Представление о гетерогонии цели, видимо, было характерно для китайской культуры с глубокой древности. С. Вундт описывает гетерогонию цели как психологический феномен, при котором непредвиденные побочные действия на пути к первоначальной цели становятся частью новых мотивов, изменяя или порождая цели, отличные от изначальных. Объективная целесообразность, таким образом, может существенно отличаться от субъективного целеполагания, из которого она вытекает. В связи с этим изначальное намерение тоже корректируется: человек может продолжать двигаться к цели, близкой к изначальной, но может и принципиально ее изменить⁴.

В этом отношении роман «Троецарствие» является показательным примером. Лю Бэй, Гуань Юй и Чжан Фэй были глубоко убеждены, что объединение Китая невозможно без восстановления династии Хань, но в действительности все оказалось иначе: это две самостоятельные цели, и пути, ведущие к ним, различны. Герои попытались искусственно совместить их, когда Лю Бэй объявляет себя наследником императора. Однако и это не дает желаемого результата — в итоге от данной цели приходится отказаться, правда, происходит это медленно и как бы само собой. Так сложилось.

В романе нет привычного для Западной Европы победного ликования (или глубокого разочарования и подавленности

⁴ «Поступокъ, возникающій изъ опредѣленнаго мотива, осуществляет, кромѣ предназначенныхъ даннымъ мотивомъ цѣлей, и другія, непосредственно не намѣченныя дѣйствія. Въ то время, какъ эти послѣднія являются въ сознани и вызываютъ въ немъ чувствованія и влеченія, они, съ своей стороны, становятся новыми мотивами, которые или осложняютъ, или измѣняютъ первоначальный волевой поступокъ, или замѣняютъ его другимъ. По этой главной своей формѣ упомянутую модификацію закона производныхъ можно обозначить, какъ п р и н ц и п ъ г е т е р о г о н и ц ѣ л е й» [Вундт: 131–132].

в случае поражения). Задача объединения Китая, конечно же, решена. Это замечательно. Но пока ее решали, многое изменилось, появились новые задачи, которыми по понятным причинам не занимались, но они давно уже требуют решения. И теперь самое время переключиться на них.

В японской литературе, испытавшей на себе сильное влияние буддизма с его основополагающей идеей воздаяния, представление о победе, видимо, всегда будет связано с мыслью, что все на земле преходяще, мимолетно и непрочно. В этом отношении показательна «Повесть о доме Тайра»⁵, где описывается сначала блистательный приход к власти клана Тайра

⁵ «Повесть о доме Тайра» (яп. *хэйкэ моногатари*). «Хэйкэ» — это китайско-японское прочтение иероглифов, обозначающее «дом Тайра». В произведениях, описывающих этот период, эти термины используются взаимозаменяемо [The Cambridge History of Japanese Literature: 287]. Слово «моногатари» состоит из иероглифов «вещь, предмет, субъект, нечто» и «рассказывать», то есть дословно — «то, что рассказывают». При этом в первую очередь имеется в виду эпический прозаический рассказ, хотя внутри текста могут встречаться и поэтические вставки. На русский язык жанр «моногатари» обычно переводится как «повесть»: так подчеркивается повествовательное начало. Важно учитывать, что для моногатари характерна связь с устной исполнительской традицией и изобразительным искусством; многие произведения этого жанра существовали в виде иллюстрированных свитков. При этом границы жанра моногатари весьма размыты, и относящиеся к нему произведения могут быть очень разными. «Хэйкэ моногатари» сложно отнести к какому-либо одному жанру. Это произведение обычно относят к жанру «гунки» (военная повесть), который иногда расширяют до «гунки моногатари» (буквально «военная хроника»), намекая на гибридный характер формы, сочетающей в себе элементы «икусагатари» (боевой рассказ), «ки» (хроника) и «моногатари» (рассказ о придворных). Другой жанр, который иногда упоминается в связи с «Хэйкэ», — это «рэкиси моногатари» (историческая повесть). Содержание «Повести» не позволяет точно определить жанр: оно может варьироваться от комического (в «Нэкома» и «Цудзуми Хоган» в свитке 8) до лирического (в таких эпизодах, как «Цукими» и «Кого» в свитках 5 и 6). Помимо повествования о битвах, «Хэйкэ» также включает в себя множество документов: *ганмон* (петиции), *сэндзи* (указы), *тёдзё* (официальные письма) — а также *ута моногатари* (стихотворные рассказы) и поэтические формы, такие как *вака*, *имаё* и *розэй* (китайские двустихия для пения). Таким образом, стиль может варьироваться от возвышенной речи буддийской молитвы до общеупотребительных разговорных фраз и разговорных звукоподражаний. «Повесть о доме Тайра» формировалась в виде многочисленных вариантов и стала результатом сложного взаимодействия письменных и устных способов передачи, что не позволяет однозначно определить жанровую принадлежность произведения [Конрад: 295–322], [Львова: 3–24].

во главе с Киёмори, а затем его смерть (не в бою, а от болезни), что существенно ослабило позиции клана; через несколько лет Тайра потерпели окончательное поражение, проиграв клану Минамото. Однако это вовсе не обесценивает предыдущие победы, не умаляет значения предыдущих подвигов.

В произведении большое внимание уделено описанию нестигаемого духа самых разных представителей клана Тайра, их поистине фантастическому умению, несмотря на постоянные сокрушительные поражения, снова и снова собираться с силами и наносить ответные удары. И даже жестокость Киёмори не вызывает осуждения.

Героизм клана Минамото проявляется не только на поле боя, но и в умении последовательно и неуклонно идти к цели, причем всем кланом. Минамото смогли привлечь на свою сторону многих самураев и провинциальных даймё, что увеличило численность армии. А Минамото-но Ёритомо создал мощную военную структуру — в этом проявился его талант полководца. Согласованные действия всех членов клана привели к общему успеху. При этом подчеркиваются положительные стороны обеих противоборствующих сторон, несмотря на то, что они были врагами. Герои не делятся на положительных и отрицательных: показана сложность их характеров и поступков.

Вместе с тем самурайская мораль, мужество и верность долгу часто приводят к жестокости, которую произведение явно осуждает. В знаменитом эпизоде гибели юного Ацумори старый воин Кумагай, вынужденный убить противника, называет свой поступок безжалостным и уходит в монахи, чтобы замолить грех. Даже выполнение самурайского долга не освобождает от нравственной ответственности за жестокость. С сочувствием изображены обе стороны конфликта; такое отношение делает образы героев живыми и индивидуальными, а не просто символами добра или зла. В повести нет однозначных оценок и категоричных суждений, что позволяет читателю самому делать выводы о мотивах и поступках героев. Это придает произведению глубину и психологическую достоверность, а также воплощает буддийскую идею о быстротечности и изменчивости человеческой судьбы.

Основной мотив повести — бренность власти и мимолетность земных благ и величия. История возвышения и падения дома Тайра становится символом скоротечности славы, богатства, власти, успеха. Величие, каким бы прочным оно ни казалось (а «казалось» здесь ключевое слово), не может не быть временным, как и все в этом мире; падение неизбежно следует за возвышением, ибо таков закон мироздания.

Это важно при сопоставлении с европейским пониманием героического, где стремление к подвигу воспевается тем сильнее, чем оно масштабнее. Чрезмерный героизм, если можно так выразиться, оборачивается жестокостью и тиранией (как у Киёмори), а также внутренними противоречиями (в первую очередь клана Минамото). Вряд ли случайно, что оба клана страдают от последствий своего поведения. Однако это не мешает автору восхищаться героическими поступками воинов как Тайра, так и Минамото, подробно описывать масштабные сражения, где герои проявляют мужество, силу и преданность своему делу. Например, в битве при Данноуора, где войска Тайра потерпели поражение, многие предпочли погибнуть с честью, бросившись в море.

В старофранцузской поэме «Песнь о Роланде» подчеркивается роль того или иного персонажа в гибели отряда Роланда, а также значение выбора своего жизненного пути самим героем и его добровольное стремление к смерти. Смерть Роланда — это совокупность действий многих персонажей. В принципе, если бы кто-то из героев совершил иной поступок (насколько это возможно — уже другой вопрос), то и финал мог бы быть другим.

В «Повести о доме Тайра» ситуация принципиально иная: как бы ни изменились поступки любого из героев (и даже ряда героев), итог все равно остается примерно таким же, потому что гибель Тайра — следствие воздаяния, процесса, лежащего в основе всего мира. Герои могут совершать любые поступки и делать любой выбор — это принципиально не повлияет на их гибель в финале. Произведение наполнено глубокими размышлениями о судьбе, человеческой природе и неизбежности перемен.

В персидской литературе одним из наиболее ярких примеров героизма является «Шахнаме». Главный герой Рустам совершает подвиги, в частности побеждает дракона и дикого льва. Однако основные свои подвиги он совершает в многочисленных битвах с туранским царем Афрасьябом, из которых Рустам чаще всего выходит победителем, но достичь долгой и прочной победы невозможно в принципе. После каждого поражения Афрасьяб собирается с силами, и борьба продолжается (то же самое можно сказать и о борьбе Рустама с демоном Ахриманом). Довольно быстро Афрасьяб понимает, что силой (тем более в честном бою) ему Рустама не одолеть, поэтому он начинает строить ему козни и плести вокруг него интриги, цель которых — вывести Рустама из состояния душевного равновесия, что сделает невозможным его дальнейшее участие в битвах.

Этот мотив в чем-то схож с мотивом неуязвимости, но гораздо более сложен. Изначально у Рустама не было уязвимо-го места; фактически это место создается в результате действий многих героев и без ведома самого Рустама. Это оказывается возможным, потому что Афрасьяб задался целью извести Рустама и собирает о нем и о его близких всю информацию. У Рустама есть сын Сухраб, которого он никогда не видел; следовательно, можно спровоцировать героев на битву друг с другом. Но этого недостаточно. Нужно, чтобы Сухраб сражался не в полную силу, — тогда он гарантированно погибнет. В результате Сухраба все время терзают сомнения: перед ним отец или нет? В ходе сражения он несколько раз задает Рустаму вопросы, ответы на которые помогли бы разрешить сомнения. Но богатырь не считает нужным вступать в беседу с каким-то юнцом и в конце концов наносит ему смертельную рану. И только потом узнает в умирающем юноше сына.

Важно, что все это возможно потому, что в ситуацию было вовлечено множество персонажей, каждый действовал, исходя из своих побуждений. Но все контролировал Афрасьяб. Очевидно, что противостоять такой хитросплетенной интриге, да еще и в одиночку, Рустам в принципе не мог. Герой сохраняет жизнь, но больше не участвует в битвах. В связи с этим нельзя однозначно ответить на вопрос, является он победителем или

проигравшим. С одной стороны, он, безусловно, победитель во всех сражениях, с другой — он проигрывает, когда понимает, что не может больше сражаться.

Идея о том, что истинный героизм может быть основан только на прочной победе, обеспечившей процветание народов, видимо, является основным отличием индийской литературы. Это определяет ряд специфических особенностей. Такая победа будет достигнута далеко не сразу: путь к ней долгий, тяжелый, и на нем обязательно будут неудачи и поражения. И истинный герой — это тот, кто способен проигрывать, кто способен адаптироваться к меняющимся условиям.

Европейский герой, напротив, не может проиграть, но он может (а во многих случаях и должен) пасть смертью храбрых на поле боя с оружием в руках. На самом деле это серьезно упрощает его задачу⁶. Яркими примерами являются «Песнь о Роланде» и «Песнь о Нибелунгах», где герои стремились к смерти, а Хаген целенаправленно отрезал себе пути к отступлению⁷.

У Арджуны задача значительно сложнее и состоит из нескольких разных аспектов. Он должен победить, при этом сохранив себе жизнь (это фактически две задачи, которые в западноевропейском мировоззрении неизбежно вступили бы в противоречие). В «Махабхарате» есть ряд эпизодов, где проявляются удивительные способности Арджуны. Например, ему необходимо сразиться с Бхишмой, победить которого можно, только узнав его секрет. Арджуна демонстрирует готовность сражаться, но при этом аккуратно (с помощью Кришны) уклоняется от битвы со смертельным исходом. Он ждет того

⁶ Важно, что такое представление о героизме критиковалось и в самой Германии (в первую очередь теологами). Например, Д. Бонхёффер писал: «Разговоры о героической гибели перед лицом неизбежного поражения по сути своей весьма далеки от героизма, поскольку им недостает взгляда в будущее. Последним ответственным вопросом должен быть не вопрос, как мне выбраться из беды, не запятнав репутации героя, но вопрос, как жить дальше следующему поколению» [Бонхёффер: 32].

⁷ В этом отношении показательно утверждение П. А. Сапронова: «Герой, так же как и святой, только после смерти совершенно становится героем. Пока он жив, баланс героического и негероического в нем колеблется и не предрешен. Одна смерть ставит все на свои места» (см.: [Сапронов: 11]).

момента, когда Бхишма сам будет готов погибнуть в бою и, следовательно, откроет свою тайну.

В наши дни понятие «психологическая готовность» нашло широкое применение в подготовке специалистов, способных действовать в чрезвычайных ситуациях. Вряд ли случайно, что анализ фундаментальных основ внутренней готовности (в том числе и психофизиологической) основывается на принципах восточных религий, особенно буддизма: «Буддизм разработал огромное число различных методов и техник психологической подготовки. Нужно отметить, что их прикладной характер отчетливо понимался уже самими верующими и широко использовался в повседневной жизни — от совершенствования искусства составления букетов до использования в боевом единоборстве» [Психологические аспекты буддизма: 7]. Фактически сейчас психологи постепенно дают научное объяснение тому, чему восточные религии учили на практике⁸.

Применительно к Бхишме можно говорить о готовности принять смерть и перейти в мир иной. Причем герой учитывает различные факторы, что позволяет ему разорвать круг сансары и достичь нирваны — главной цели любого живущего. Арджуна прекрасно чувствует состояние Бхишмы перед смертью, угадывает его желания: герои сохраняют взаимное уважение и глубокую симпатию друг к другу. И Арджуна с легким сердцем пойдет дальше, к новым победам, получив на это благословение Бхишмы.

Здесь хотелось бы обратить внимание на принципиальное отличие индийского героя от, например, немецкого. Хаген обманом узнает уязвимое место Зигфрида и обманом же его убивает (что в конечном итоге приводит к трагическим последствиям). Линия поведения Арджуны принципиально иная: ему не нужен ни быстрый результат, ни пиррова победа. Поэтому он терпеливо ждет, когда обстоятельства сами сложатся так, как ему необходимо.

Однако такое возможно не всегда; бывают и полные провалы. В этом случае важно уметь проигрывать. Ярким примером является фиаско Юдхистхиры в ритуальной игре в кости.

⁸ Похожие явления описаны также на примере йоги, цигун и др. Подробнее об этом см., напр.: [Психологические аспекты буддизма: 98–101, 104–120, 151–157].

Он проигрывает все свои земли, все имущество, одежду, братьев, жену. Казалось бы, это конец. Но Драупади (его жена) занимает активную жизненную позицию: она рассуждает о том, насколько действия Юдхиштхиры во время проигрыша соответствовали дхарме, и обращается к царю Дхритараштре с просьбой вмешаться, спасти ее и пандавов от унижения. Поступок Драупади не избавил ни ее, ни пандавов от унижения, но тронул сердце Дхритараштры и в конечном счете способствовал формированию негативного отношения к действиям кауравов. И таким образом пандавы смогли привлечь к себе большое число сторонников.

И хотя по условиям игры они должны были 12 лет скитаться в лесу и еще один год жить среди людей неузнанными, они смогли извлечь из этого максимальную пользу. В течение 12 лет пандавы жили в лесу в окружении самых мудрых брахманов, которые рассказывали им различные поучительные истории, в том числе и о людях и мифологических персонажах, оказавшихся в подобных ситуациях. Это способствовало духовному развитию пандавов, а также расширению их круга общения.

Живя в лесу, Юдхиштхира постоянно думает о неуязвимости Карны, которого должен убить Арджуна. Казалось бы, нерешаемая задача, но Юдхиштхира тщательно анализирует характер и образ жизни Карны — и вдруг его озаряет чудесная мысль. Карна каждое утро совершает ежедневную молитву, после которой выполняет любую просьбу. Индру (отца Арджуны) можно попросить прийти к Карне в облике брахмана и предложить ему обменять его неуязвимость на копье, бьющее без промаха (и убедить Карну, что этим оружием он точно убьет Арджуну). Расчет Юдхиштхиры оказался верным: он учел личностные качества всех участников, а также отношения между ними. Итак, 12 лет скитаний были использованы пандавами с максимальной пользой: все, что было сделано ими за это время, заложило фундамент их победы над кауравами.

Умение проигрывать — важный мотив и в китайской литературе. Например, через весь роман Ло Гуаньчжуна «Троецарствие» проходит рефрен: «Победы и поражения — обычное дело военачальника». Особенное внимание хотелось бы обратить

на Чжугэ Ляна, борьба которого с Цао Цао началась с поражений, следовавших одно за другим. Это было вполне ожидаемо: у Цао Цао был большой опыт, а у Чжугэ Ляна — нет. И Чжугэ Лян трезво оценивал свои силы, был готов к поражениям, которые потом тщательно анализировал, с целью понять, как мыслит его противник. Именно это и стало прочным фундаментом его будущих побед над Цао Цао.

Главное отличие китайского героя от европейского заключается в перенесении подвига в интеллектуальную сферу. Истинный герой — это стратег, разрабатывающий хитроумную операцию. Ярким примером является Чжугэ Лян, монах, возглавивший армию Лю Бэя. В романе подчеркивается, что Чжугэ Лян ни разу (!) не держал оружие в руках — в этом не было никакой необходимости. Гораздо важнее, что он изучил множество книг о военном деле и был знаком с различными тактиками. Но главное — он обладал удивительной интуицией и знанием человеческой природы. Именно это позволило ему одержать одну из своих самых блистательных побед. Ему предстояло сражение на реке: у его противника Цао Цао был флот (легкие деревянные лодки), а у Чжугэ Ляна — нет. Казалось бы, положение безвыходное, но Чжугэ Лян разрабатывает целую систему отправки лазутчиков к Цао Цао, которые в определенной последовательности сообщают ему ту или иную информацию. Цель Чжугэ Ляна — заставить Цао Цао сковать лодки цепями (а лучше еще проложить между ними деревянные настилы), а затем их поджечь. В результате Цао Цао попадает в ловушку.

Анализ героизма в мировой литературе традиционного периода будет неполным без обращения к древнерусской литературе. Отличительной особенностью русской литературы является коллективный характер героизма. Даже герой, совершающий подвиг в одиночку, действует как представитель коллектива. Иногда кузнец сковывает ему специальный меч, например, из вещей девушек, похищенных змеем и даже из слез их матерей. Только этим оружием можно погубить змея: герой с мечом символизирует весь народ, борющийся с общим врагом. Богатыри могут вступить в бой и побрататься, а потом уже вместе совершать подвиг (такой сюжет в целом не очень типичен для мировой литературы).

В эпоху нашествия Батыя на Русь летописцы восхваляли смирение и стойкость перед лицом испытаний, считая это высшим проявлением подвига. В древнерусской традиции подвигом считалось не только ратное дело, но и «подвиг в терпении» — способность безропотно, с молитвой принимать страдания и даже гибель. Яркий пример — князья Борис и Глеб, которые предпочли смерть борьбе за власть, став первыми русскими святыми. Позже появляются примеры того, как духовная стойкость соединяется с мужеством и волей к победе (например, подвиги Александра Невского и его воинов). Связь ратного подвига с духовным прослеживается, в частности, в «Житии Александра Невского». Этот князь занимает особое место в русской культуре: он является смелым воином, обладающим очевидными стратегическими способностями, а также благочестивым правителем, который защищает свою землю и веру. Его подвиги на поле боя сопровождаются молитвами и упованием на Божью помощь. И в этом можно увидеть очевидную параллель с пониманием героизма в Индии. Русский герой имеет право на ошибку, причем его за это практически не осуждают, как например, в «Слове о полку Игореве», где Святослав сосредоточен на том, что можно сделать, а не на том, какова вина Игоря в происшедшем.

Русский герой часто бывает простого происхождения и даже не всегда является воином в строгом смысле слова; он может быть крестьянином (Никита Кожемяка, Микула Селянинович) и может не убить змея, а заставить его пахать землю. В героических сказках истинные подвиги совершает Иван — крестьянский сын. В летописях и житиях часто акцентируется внимание на подвигах рядовых воинов, что, видимо, является отличительной чертой именно русской литературы. Так читатель (или слушатель) подводится к мысли, что героем может стать любой человек, оказавшийся в тяжелой ситуации, но сохранивший стойкость, мужество и волю к победе.

Исследование героического модуса в контексте различных литературных традиций позволяет сделать ряд выводов, уточняющих и расширяющих классические представления о героизме, сформированные преимущественно на материале западноевропейской литературы. Можно констатировать

многообразии героического модуса в мировой литературе: он является универсальной, но при этом весьма вариативной категорией. Его конкретное наполнение существенно различается в зависимости от культурно-цивилизационного контекста, который в первую очередь определяется целями персонажа и способами их достижения. Это может быть не только выигранная битва и посмертная слава (как в Западной Европе), но и достижение мировой гармонии. Способ достижения при этом не всегда предполагает физическую борьбу (хотя редко обходится вообще без нее); главное — построение успешной стратегии.

Ключевое различие проявляется в понимании подвига и его исхода. В западноевропейской традиции акцент часто ставится на сам акт героического самопожертвования, ведущего к посмертной славе. Победа может быть пирровой или не достигнута вовсе, что не умаляет героизма. В индийской традиции («Махабхарата») идеалом является именно прочная конечная победа, обеспечивающая восстановление дхармы и гармонии в мире. Герой стремится не только победить, но и увидеть плоды своей победы. В китайской литературе прослеживается гетерогония цели, когда результат может быть достигнут, но иным путем и с иными последствиями, чем планировалось изначально. Главную ценность имеет мыслительный подвиг стратега. Таким образом, подвиг приобретает интеллектуальный и глубоко нравственный характер. Последний предполагает внутреннюю борьбу, преодоление мирских привязанностей и следование высшему долгу (Арджуна), что составляет суть «нравственного подвига». Японская традиция подчеркивает бренность любого земного успеха, а также сложную диалектику победы и поражения, где даже величайший герой может стать жертвой обстоятельств или неотвратимого закона воздаяния. В персидской литературе сила и слава неотделимы от ответственности и страданий, а психологический ущерб, нанесенный герою, фактически лишает его возможности сражаться.

Способность адаптироваться, учиться на поражениях и извлекать из них долгосрочную пользу является важнейшей чертой героя в индийской и китайской традициях (Арджуна,

Юдхитхира, Чжугэ Лян). Для классического западноевропейского героя поражение чаще фатально и компенсируется лишь героической гибелью.

Таким образом, героический модус предстает как многомерное явление, конкретные формы которого определяются фундаментальными философскими, религиозными и этическими системами соответствующей культуры. Сопоставительный анализ позволяет не только выявить национальную специфику, но и обогатить само понятие героизма, включив в него такие аспекты, как стратегическая мудрость, этическая рефлексия, принятие поражения как этапа пути и ориентация на достижение гармоничного и устойчивого результата.

Список литературы

1. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Coda, 1997. 343 с.
2. Бонхёффер Д. Сопроотивление и покорность / пер. с нем. А. Б. Григорьева. М.: Прогресс, 1994. 344 с. (Сер.: Библиотека журнала «Путь».)
3. Воротынские чтения. Средневековая Россия: военный и духовный подвиг предков: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Вологда-Кириллов, 5–7 сентября 2019 г.). Вологда: ВОУНБ, 2020. Вып. 1. 143 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/vorot/text.pdf> (15.02.2026). EDN: HQZEKO
4. Вундт В. Введение в психологию / пер. с нем. прив.-доц. Моск. ун-та Н. Самсонова. М.: Космос, 1912. 152 с.
5. Конрад Н. И. Японская литература в образцах и очерках / АН СССР, Ин-т востоковедения. Репринт. изд. М.: Наука, 1991. 562 с. (Сер.: Библиотека отечественного востоковедения.)
6. Кормилов С. И. Героическое // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Рос. акад. наук. Ин-т науч. информ. по обществ. наукам; гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2001. С. 175.
7. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М.: Наука, 1979. 352 с.
8. Лосев А. Ф. Дерзание духа. М.: Политиздат, 1988. 366 с. (Сер.: Личность. Мораль. Воспитание.)
9. Львова И. Предисловие // Повесть о доме Тайра [Эпос XIII в.] / пер. со старояп., предисл. и коммент. И. Львовой. М.: Худож. лит., 1982. С. 3–24.
10. Орлов А. С. Героические темы древней русской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945. 143 с. (Сер.: Научно-популярная серия / Акад. наук СССР.)

11. [Поспелов Г. Н.] Введение в литературоведение / под ред. Г. Н. Поспелова. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высш. школа, 1988. 528 с.
12. Пропп В. Я. Русский героический эпос. 2-е изд., испр. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1958. 603 с.
13. Психологические аспекты буддизма [сб. ст.] / АН СССР, Сиб. отд-е, Бурят. фил., Бурят. ин-т обществ. наук; отв. ред. В. В. Мантатов. Новосибирск: Наука, 1986. 161 с.
14. Путилов Б. Н. Древняя Русь в лицах: Боги, герои, люди. СПб.: Азбука, 2001. 367 с.
15. Русская агиография. Исследования. Публикации. Poleмика / ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН; отв. ред.: С. А. Семячко. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. Т. 1. 789 с.
16. Русская агиография. Исследования. Материалы. Публикации / ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН; отв. ред.: Т. Р. Руди, С. А. Семячко. СПб.: Пушкинский Дом, 2011. Т. 2. 640 с.
17. Сапронов П. А. Феномен героизма. 2-е изд. испр. и доп. СПб.: Гуманитар. акад., 2005. 512 с.
18. Тюпа В. И. Героика // Теория литературы: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: в 2 т. / под ред. Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман. М.: Академия, 2004. Т. 1. С. 56–58.
19. Хализев В. Е. Теория литературы. 6-е изд., испр. М.: Академия, 2013. 432 с. (Сер.: Высшее профессиональное образование. Бакалавриат.)
20. The Cambridge History of Japanese Literature / ed. by Haruo Shirane, Tomi Suzuki, David Lurie. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 868 p.

References

1. Averintsev S. S. *Poetika rannevizantiyskoy literatury* [*Poetics of Early Byzantine Literature*]. Moscow, Coda Publ., 1997. 343 p. (In Russ.)
2. Bonhoeffer D. *Soprotivlenie i pokornost'* [*The Resistance and the Obedience*]. Moscow, Progress Publ., 1994. 344 p. (Ser.: Library of the Journal "The Path"). (In Russ.)
3. *Vorotynskie chteniya. Srednevekovaya Rossiya: voennyi i dukhovnyi podvig predkov: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Vologda-Kirillov, 5–7 sentyabrya 2019 g.)* [*Vorotynsky Readings. Medieval Russia: The Military and Spiritual Feat of Our Ancestors: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Vologda-Kirillov, September 5–7, 2019)*]. Vologda, Vologda Regional Universal Scientific Library Publ., 2020, issue 1. 143 p. Available at: <https://www.booksite.ru/fulltext/vorot/text.pdf> (accessed on February 15, 2026). EDN: HQZEKO (In Russ.)
4. Vundt V. *Vvedenie v psikhologiyu* [*Introduction to Psychology*]. Moscow, Kosmos Publ., 1912. 152 p. (In Russ.)
5. Konrad N. I. *Yaponskaya literatura v obraztsakh i ocherkakh* [*Japanese Literature in Samples and Essays*]. Reprint Edition. Moscow, Nauka Publ., 1991. 562 p. (Ser.: Library of Russian Oriental Studies.) (In Russ.)

6. Kormilov S. I. Heroic. In: *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy* [*The Literary Encyclopedia of Terms and Concepts*]. Moscow, Intelvak Publ., 2001, p. 175. (In Russ.)
7. Likhachev D. S. *Poetika drevnerusskoy literatury* [*Poetics of Old Russian Literature*]. 3rd ed., supplemented. Moscow, Nauka Publ., 1979. 352 p. (In Russ.)
8. Losev A. F. *Derzanie dukha* [*Audacity of the Spirit*]. Moscow, Politizdat Publ., 1988. 366 p. (Ser.: Personality. Morality. Education.) (In Russ.)
9. L'vova I. Preface. In: *Povest' o dome Tayra (Epos XIII v.)* [*The Tale of the House of Taira (the 13th Century Epic)*]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1982, pp. 3–24. (In Russ.)
10. Orlov A. S. *Geroicheskie temy drevney russkoy literatury* [*Heroic Themes of Ancient Russian Literature*] Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1945. 143 p. (Ser.: Popular Science Series / The Academy of Sciences of the USSR.) (In Russ.)
11. Pospelov G. N. *Vvedenie v literaturovedenie* [*Introduction to Literary Criticism*]. 3rd ed., corrected and supplemented. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1988. 528 p. (In Russ.)
12. Propp V. Ya. *Russkiy geroicheskiy epos* [*Russian Heroic Epic*]. 2nd ed., corrected. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1958. 603 p. (In Russ.)
13. *Psikhologicheskie aspekty buddizma: sbornik statey* [*Psychological Aspects of Buddhism: A Collection of Articles*]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1986. 161 p. (In Russ.)
14. Putilov B. N. *Drevnyaya Rus' v litsakh: Bogi, geroi, lyudi* [*Ancient Rus' in Faces: Gods, Heroes, People*]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2001. 367 p. (In Russ.)
15. *Russkaya agiografiya. Issledovaniya. Publikatsii. Polemika* [*Russian Hagiography. Researches. Materials. Publications*]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2005, vol. 1. 789 p. (In Russ.)
16. *Russkaya agiografiya. Issledovaniya. Materialy. Publikatsii* [*Russian Hagiography: Researches. Materials. Publications*]. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2011, vol. 2. 640 p. (In Russ.)
17. Saprionov P. A. *Fenomen geroizma* [*The Phenomenon of Heroism*]. 2nd ed., corrected and supplemented. St. Petersburg, Gumanitarnaya akademiya Publ., 2005. 512 p. (In Russ.)
18. Tyupa V. I. Heroics. In: *Teoriya literatury: uchebnoe posobie dlya studentov filologicheskikh fakul'tetov vysshikh uchebnykh zavedeniy: v 2 tomakh* [*Literary Theory: A Textbook for Students of Philological Faculties of Higher Education Institutions: in 2 Vols*]. Moscow, Akademiya Publ., 2004, vol. 1, pp. 56–58. (In Russ.)
19. Khalizev V. E. *Teoriya literatury* [*Literary Theory*]. Moscow, Akademiya Publ., 2013. 432 p. (Ser.: Higher Professional Education. Bachelor's Degree.) (In Russ.)
20. *The Cambridge History of Japanese Literature*. University Press Publ., 2016. 868 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Исакова Ирина Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории литературы филологического факультета, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Ленинские горы, 1, г. Москва, Российская Федерация, 119991); e-mail: mandala-1@yandex.ru. *Irina N. Isakova*, PhD (Philology), Associate Professor of Literature Theory of the Department of Philology Faculty, Lomonosov Moscow State University (Leninskie gory 1, Moscow, 119991, Russian Federation); e-mail: mandala-1@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 02.04.2026

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 10.04.2026

Принята к публикации / Accepted 13.04.2026

Дата публикации / Date of publication 25.05.2026